

**«Униженность и оскорбленность» как черта личности:
феноменологический анализ позиции жертвы¹**

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР

*доктор психологических наук, профессор
Московского городского психолого-педагогического университета*

Н.Б. АСТАНИНА

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Воронежского
филиала Московского гуманитарно-экономического института*

Исследование посвящено изучению феноменологии и определению коррелятов чувствительности к справедливости с позиции жертвы Ч_{жертв} у мужчин и женщин молодого возраста. Гипотезой выступило предположение, что позиция жертвы как черта личности сопровождается неблагоприятными эмоциональными состояниями и мировоззренческими убеждениями, которые делают субъекта менее жизнестойким. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что позиция жертвы — черта личности, представляет собой фактор риска для многих аспектов жизнестойкости, особенно у женщин.

Ключевые слова: чувствительность к справедливости, позиция жертвы, виктимизация, гендерная психология, психологическое благополучие, жизнестойкость, суверенность.

С теми, кто воспринимает несчастный случай как личное оскорбление, несчастные случаи не происходят.
М. Пьюзо

Введение

Поскольку наш мир не создан для комфорта, все люди с неизбежностью время от времени проходят через трудные жизненные ситуации, преодолевая их с различной эффективностью и различными личностными изменениями. Роль жертвы (человека, пострадавшего от каких-либо неблагоприятных обстоятельств) неизбежно достается каждому

по ходу его жизненного пути не один раз, что часто сопровождается травматичными переживаниями и чувством самоотчуждения. Последствия этого опыта могут иметь как краткосрочный, так и долговременный характер.

В одних случаях, пройдя через фазы стресса, травмы или «горевания», человек освобождается от негативных переживаний с психологическими приобретениями, полученными в результате

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 13-06-00031.

посттравматического личностного роста — ибо все, что не убивает нас, может сделать нас сильнее. Однако в других случаях опыт пребывания в позиции жертвы может закрепляться, кристаллизуясь в отдельную самостоятельную субличность часто мазохистического типа с выраженной личностной беспомощностью [4; 12]. Тогда поведение, общение и мировоззрение человека могут сильно деформироваться¹.

В настоящее время интерес к феномену жертвы в мировой психологии очень высок. Рассматриваются различные аспекты этого явления: скрытые выгоды позиции жертвы («silver lining»), появление манипулятивных рентных установок (ожидание сатисфакции от окружающих с апелляцией к их чувству вины), вторичная виктимизация (провокация неблагоприятного отношения к себе в силу личностных изменений вследствие «первичной» виктимизации) [11; 18; 26; 30].

Если обобщить исследования в этой области, можно прийти к следующему выводу: когда человек «задерживается» в своих травматичных переживаниях, он рискует потерять социальную поддержку, так как окружающие начинают дистанцироваться от него, и спустя некоторое время он начинает давать окружающим обратную связь, смысл которой состоит в том, что с ним и следует обращаться как с жертвой. Ситуативная позиция, роль «прирастают» к личности человека, становясь ее существенной подструктурой. Очень важно своевременно и эффективно расстаться с позицией жертвы, чтобы избежать вторичной

виктимизации, поскольку, согласно взглядам Г. Олпорта, черта представляет движущий компонент поведения и побуждает субъекта осознанно или неосознанно выбирать такие ситуации, в которых она может себя подтвердить [9].

Концепция чувствительности к справедливости Манфреда Шмитта

Центральная составляющая позиции жертвы как личностной черты — переживание, прогнозирование или программирование несправедливости по отношению к себе. Поэтому в качестве методологической основы нашего исследования мы выбрали давно известную в западной персонологии концепцию чувствительности к справедливости М. Шмитта, согласно которой люди испытывают различную индивидуальную готовность к тому, чтобы ожидать несправедливость по отношению к себе, сильно ее эмоционально переживать и отвечать на нее действием [24; 25]. Иначе говоря, человек с высокой чувствительностью к справедливости обладает подобием встроенного счетчика, который непрерывно сравнивает собственные привилегии и потери с таковыми у окружающих и который глубоко убежден, что в мире должен существовать баланс между затратами и бонусами.

Концепция чувствительности к справедливости относительно нова, однако результаты исследований в этой области впечатляют и кажутся высокоэвристичными для объяснения многочисленных феноменов межличностного взаимодействия [7].

¹ Необходимо отметить, что, как и другие личностные диспозиции, склонность занимать позицию жертвы может быть обусловлена индивидуальными характеристиками, а не только личным биографическим опытом. В данном исследовании мы оставляем это обстоятельство за рамками обсуждения.

Большинство исследований чувствительности к справедливости рассматривали этот конструкт с точки зрения жертвы неблагоприятных обстоятельств, однако очевидно, что эпизоды несправедливости вовлекают большое число людей, в разных ролях причастных к происходящему. Потому М. Шмитт предлагает рассматривать четыре вида чувствительности к справедливости: с позиции жертвы, наблюдателя, бенефициара (человека, который случайно, без умысла, получил нечто за счет других) и нарушителя (намеренно нарушившего справедливость в свою пользу). Исследования показывают, что между этими измерениями существуют высокие корреляции, подтверждающие обоснованность конструкта «чувствительность к справедливости». При этом переживания, вызванные эпизодами несправедливости, с разных позиций могут не совпадать, и позиция жертвы значительно отличается от других: ведь если бенефициар и нарушитель в силу несправедливости нечто приобретают, то свидетель находится в отстраненной позиции, а жертва всегда что-то теряет.

Тем не менее, согласно М. Шмитту, все виды чувствительности к справедливости сопровождаются негативными переживаниями (похоже, что это наблюдение может модулироваться культурой, потому что открытое исследование на российской выборке привело к отличным от германских результатов, но этот вопрос требует дополнительных исследований). При этом три последних позиции — наблюдателя, бенефициара и нарушителя — могут быть предикторами компенсаторного просоциального поведения: человек, причастный к несправедливому поступку или совершивший его, будучи чувствительным к происходяще-

му, стремится исправить ситуацию, уравновесить бонусы и потери всех взаимодействующих лиц. Иначе с позицией жертвы, которая не имеет никакой социальной ценности и никак не стимулирует позитивные мысли, побуждения или поступки субъекта.

Чувствительность жертвы проявляется в случае нарушения прав, ущемления интересов человека и в типичных случаях сопровождается чувством гнева. Опыт переживания несправедливости или его ожидание делает человека исполненным негативных эмоций, склонным к депрессиям, лишает его веры в собственные силы. При этом, по-видимому, не важно, была ли несправедливость реальной и насколько серьезной, значимо наличие обобщенной, возможно, даже латентной готовности быть ее жертвой.

Исследования на зарубежных выборках показали, что $Ч_{жертв}$ значимо положительно связана с макиавеллизмом, мстительностью, завистью, недоверием к людям, паранойей, враждебностью, отрицательно — с согласием и готовностью прощать [15; 24; 25]. Доминирующие чувства у носителей этого качества в ситуации конфликта — страх быть использованными другими людьми и превентивная агрессия. Мироззрение отличается эгоцентризмом, отказом от личной ответственности, неустойчивостью перед моральными искушениями, несогласованностью суждений и реального поведения, склонностью к негативным атрибуциям в условиях дефицита информации [16; 17; 20]. Исследователи полагают, что социально-адаптивный смысл этой черты состоит в катализировании способности распознавать опасности, и в этом смысле она может быть

адаптивной в условиях жизнедеятельности в абсолютно недружественной движущей среде — на войне, в условиях вынужденной эмиграции и т. п. [6; 7]. Однако $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ — очевидная избыточность и помеха в среде стабильной и дружелюбной.

В России подобное исследование проводится впервые и есть основания предполагать, что в силу специфики российской ментальности результаты могут отличаться от полученных на выборках иных культур [6; 8; 21; 30].

По своему феноменологическому статусу позиция жертвы — это черта низшего уровня, она достаточно пластична и ее развитие осуществляется как под влиянием темперамента, так и под воздействием опыта и биографических событий. Поэтому ее можно модулировать при помощи психоразвивающих техник. Для того чтобы специфицировать мишени психотерапевтического воздействия и предотвратить эффекты вторичной виктимизации, необходимо изучить систему коррелятов чувствительности к справедливости с позиции жертвы ($\text{Ч}_{\text{жертв}}$).

Процедура эмпирического исследования коррелятов чувствительности к справедливости

Гипотеза исследования: позиция жертвы как черта личности сопровождается неблагоприятными эмоциональными состояниями и мировоззренческими убеждениями, которые делают субъекта менее жизнестойким.

Выборка. Респондентами были 339 человек — 248 женщин (средний возраст 25 лет) и 91 мужчина (средний воз-

раст — 21 год), добровольцы, жители Москвы и Воронежа.

Использовались батарея методик, диагностирующих эмоциональные, социальные и личностные характеристики субъекта: краткая форма отчета о позитивных и негативных чувствах [28], шкала депрессии [1], шкала устойчивости Коннора-Дэвидсона [14], шкала самоуважения [10, 23], шкала самоусиления [22], шкала «чувствительность жертвы» опросника чувствительности к справедливости [24], опросник для изучения уровня суверенности личности СПП-2010 [5], шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург [27], шкала аутентичности [29]. Для обработки данных использовались корреляционный и регрессионный анализ.

На предварительном этапе часть методик, использовавшихся на российской выборке впервые, была переведена и проверена относительно дискриминативности и самосогласованности. Были подсчитаны меры центральной тенденции; альфа Кронбаха для используемых шкал находится в интервале от 0,49 до 0,89, что можно считать удовлетворительным; некоторые методики находятся в процессе психометрической подготовки. Обработка данных осуществлялась отдельно для мужчин и женщин.

Результаты и их обсуждение

Сравнение средних значений не обнаружило разницы среди мужчин и женщин в присутствии черты $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ (средние составили соответственно 2,79 и 2,78), как, впрочем, и по большинству других изучаемых показателей (рис. 1). Однако оказалось, что система коррелятов этой черты в

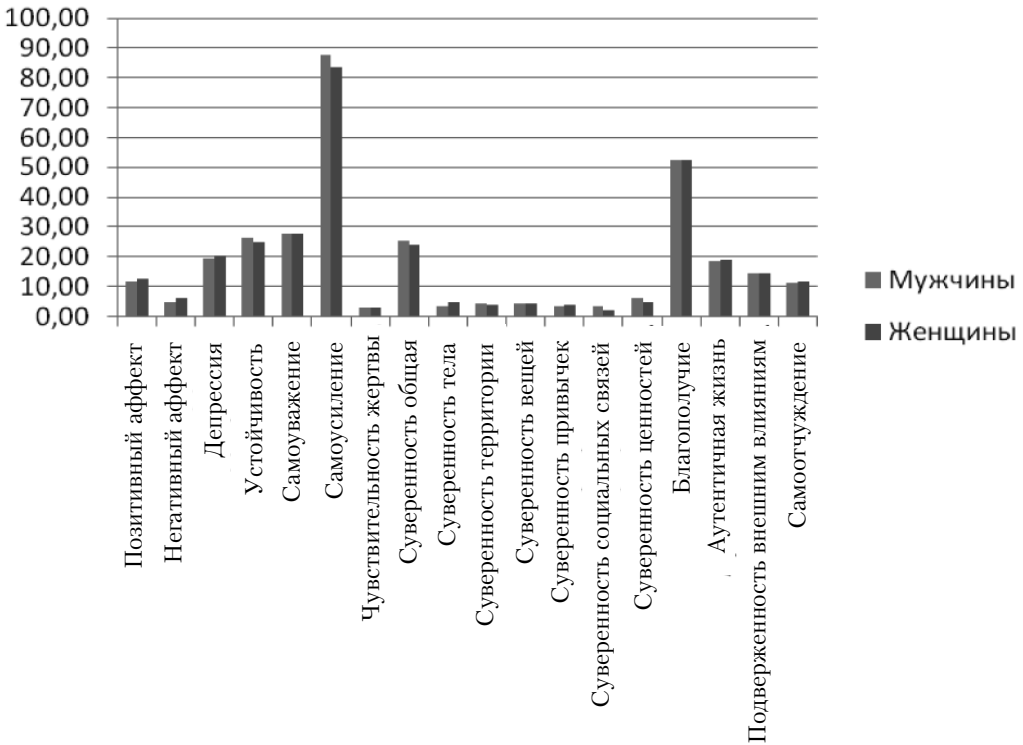

Рис. 1. Значения измеряемых переменных у мужчин и женщин

пространстве личности существенно различается в зависимости от пола.

Как показывают полученные данные, у мужчин $Ч_{\text{жертв}}$ положительно связана с негативным аффектом ($r_s = 0,41, p = 0,00$), выраженностью депрессии ($r_s = 0,33, p = 0,00$), а отрицательно — с суверенностью личных вещей ($r_s = -0,34, p = 0,04$) (см. табл.). Эти результаты вполне отвечают ожиданиям и повседневным наблюдениям: действительно, если мужчина чувствует себя жертвой несправедливых обстоятельств, это сопровождается общим снижением настроения и жизненного тонуса, повышенной нервозностью, грустью, чувствами страха, враждебности и стыда. Корреляции $Ч_{\text{жертв}}$ с большей частью других измерений пси-

хологического пространства — тела ($r_s = -0,03, p = 0,85$), территории ($r_s = -0,14, p = 0,40$), ценностей ($r_s = -0,26, p = 0,12$) и общей суверенности ($r_s = -0,13, p = 0,44$) — у мужчин слабоотрицательны. Вполне возможно, что некоторые из этих тенденций могут усилиться при расширении объема выборки. Обобщая, можно отметить, что позиция жертвы у мужчин сопровождается чувством слабости собственных личностных границ, пониженной суверенностью, при этом наиболее острая реакция на несправедливость связана с переживанием общей материальной несостоятельности или, иначе говоря, вполне можно предположить, что для мужчин собственность и финансовое благополучие представляют собой

Корреляции $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ с изученными переменными у мужчин/женщин

Переменная	r_s	p
Позитивный аффект	0,10 / 0,09	0,35 / 0,14
Негативный аффект	0,41*** / 0,29***	0,00 / 0,00
Депрессия	0,33** / 0,34***	0,00 / 0,00
Устойчивость	-0,08 / -0,14**	0,46 / 0,02
Самоуважение	-0,11 / -0,22***	0,30 / 0,00
Самоусиление	-0,12 / -0,24***	0,26 / 0,00
Суверенность общая	-0,13 / -0,37***	0,44 / 0,00
Суверенность тела	-0,03 / -0,39***	0,85 / 0,00
Суверенность территории	-0,14 / -0,37***	0,40 / 0,00
Суверенность вещей	-0,34* / -0,30**	0,04 / 0,00
Суверенность привычек	0,13 / -0,19	0,43 / 0,08
Суверенность социальных связей	0,08 / -0,27*	0,63 / 0,01
Суверенность ценностей	-0,26 / -0,15	0,12 / 0,18
Благополучие	0,06 / -0,28**	0,75 / 0,01
Аутентичная жизнь	-0,25 / -0,24*	0,19 / 0,03
Подверженность внешним влияниям	0,13 / 0,16	0,52 / 0,14
Самоотчуждение	0,02 / 0,08	0,90 / 0,45

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,00$.

ресурс противостояния жизненным несправедливостям.

Для женщин система коррелятов оказалась намного более обширной и дифференцированной. Помимо тех же двух связей, что и у мужчин, $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ у женщин значимо отрицательно связана с личностной устойчивостью ($r_s = -0,14$, $p = 0,02$), самоуважением ($r_s = -0,22$, $p = 0,00$), самоусилением ($r_s = -0,24$, $p = 0,00$), суверенностью психологического пространства ($r_s = -0,37$, $p = 0,00$), с психологическим благополучием ($r_s = -0,03$, $p = 0,00$) и переживанием аутентичности жизни ($r_s = -0,24$, $p = 0,03$).

Таким образом, позиция жертвы у женщин не имеет ни одного позитивного коррелята, сопровождаясь отрицательными эмоциями, общим падением жизнестойкости, уверенности в себе и в ценности своей жизни. $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ как черта личности предполагает также отсутствие

психологического благополучия и чувства аутентичности жизни. Иначе говоря, как только молодая особа (а мы изучали представительниц именно молодого возраста) назначает себя на роль «бедной несчастной женщины», она подписывает себе экзистенциальный приговор; отныне она будет ощущать себя марионеткой в руках злой судьбы, заложницей воли дурных людей, будет чувствовать себя ненастоящей, а свою жизнь — бездарной репетицией чего-то, что могло состояться, однако уже не произойдет. Негативные эмоции, депрессия, уныние — все это становится привычным фоном жизни молодой женщины, которая слишком сильно идентифицировалась с ролью несправедливо обманутой. «Каждому лучше, чем мне» — если подобное переживание становится хроническим, определяющим мировоззрение человека, нетрудно представить,

как мир будет реагировать на подобное к нему отношение.

Особый интерес вызывают выявленные значимые отрицательные связи позиции жертвы у женщин с измерениями суверенности психологического пространства. В отличие от мужчин, $\Psi_{\text{жертв}}$ у женщин отрицательно связана с суверенностью во всех ее доменах, при этом связи с суверенностью тела ($r_s = -0,39, p = 0,00$), территории ($r_s = -0,37, p = 0,00$), вещей ($r_s = -0,3, p = 0,005$), социальных связей ($r_s = -0,27, p = 0,012$) и общей суверенностью ($r_s = -0,37, p = 0,00$) оказались высокозначимыми. Таким образом, позиция жертвы у женщин сопровождается общим снижением суверенности, переживанием уязвимости психологических границ практически по всем параметрам.

По-видимому, в контексте темы связи $\Psi_{\text{жертв}}$ и психологической суверенности женщины оказываются менее адаптивными, по сравнению с мужчинами. Мужчины, переживая несправедливость по отношению к себе, оказываются в состоянии защитить хотя бы свои привычки и отстоять социальные связи, о чем свидетельствуют положительные коэффициенты корреляции между $\Psi_{\text{жертв}}$, с одной стороны, с уверенностью привычек ($r_s = 0,13, p = 0,43$) и социальных связей ($r_s = 0,08, p = 0,63$) – с другой. Женщины же в позиции жертвы теря-

ют себя целиком и полностью, чувствуя, что в этом мире они не имеют (и не заслуживают) вообще ничего своего.

Итак, корреляционный анализ данных показывает, что позиция жертвы является малоадаптивной для всех, однако у женщин имеет гораздо более длинный ряд негативных следствий. Отметим еще раз, что мы сейчас говорим о случаях, когда опыт переживания отдельного эпизода или серия событий, нарушающих законы справедливости, генерализуются в позицию жертвы как черту личности.

Следующей важной задачей нашего исследования являлось изучение того, не может ли позиция жертвы оказаться предиктором какой-то из выбранных переменных. Для ее реализации был принят регрессионный анализ.

В мужской подвыборке оказалось, что ситуация жертвы может способствовать негативным переживаниям и депрессии, что неудивительно (рис. 2). У женщин наряду с этими же влияниями позиция жертвы оказалась отрицательным предиктором устойчивости, самоуважения, самоусиления, пяти показателей суверенности и переживания аутентичности жизни (рис. 3).

Согласно полученным результатам, женщины более мужчин лично травмируются, занимая позицию жертвы. Если

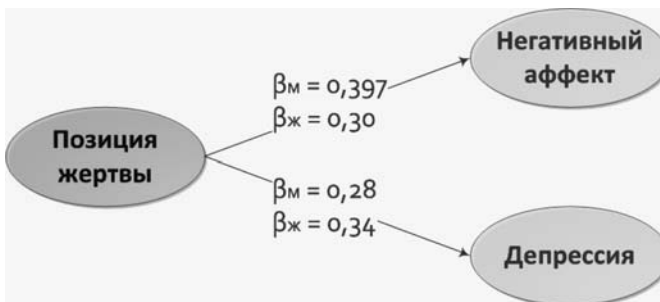

Рис. 2. Результаты применения регрессионного анализа в группе мужчин

у мужчин снижается жизненный тонус и усиливаются негативные аффекты, при этом не влияя на ценность своего «Я», то у женщин позиция жертвы влечет за собой появление устойчивого и стабильного комплекса нарушений, в совокупности называемых «чувством собственной плохости».

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что психологически, будучи «слабым» полом, женщины хуже подготовлены к роли жертвы, возможно, в силу того, что для мужчин состязательность и неизбежные с ней проигрыши являются более привычным опытом. Однако можно прокомментировать обнаруженные связи и с другой точки зрения. Так, в не новых, но классических исследованиях морального сознания, проведенных Л. Кольбергом и К. Гиллиган, отмечалось, что категория справедливости представляет собой маскулинную ценность, что мужчинам проще коммуницировать исходя из правила равенства (моральную систему, характерную для мужчин, Л. Кольберг назвал

«моралью справедливости») [2; 19]. Поэтому, возможно, роль жертвы воспринимается ими как неизбежность в жизни всех, кто играет по правилам. Что же касается женщин, они склонны к взаимодействию смещенному, контекстуальному, свободному от правил. К. Гиллиган называла это мировоззрение «моралью заботы», потому что женщины распределяют свое время и ресурсы, ориентируясь на тех, кто в них больше нуждается, а не на тех, кто это заслужил [2]. Поэтому роль жертвы никак не принимается ими в качестве нормативной издержки справедливых отношений и сопровождается сильными эмоциональными переживаниями, которые, впрочем, и вообще сильнее у женщин. При этом если негативный контекст позиции жертвы среди мужчин остается локальным и не слишком нарушает их адаптацию, то у женщин он имеет поистине разрушительный масштаб, лишая их веры в себя, самоуважения, способности сопротивляться неблагоприятным событиям и жизнестойкости в целом.

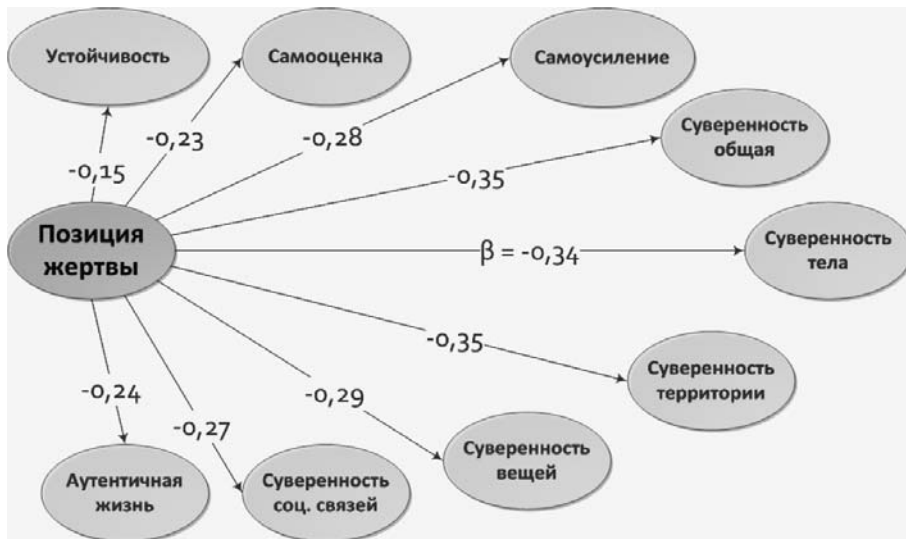

Рис. 3. Результаты применения регрессионного анализа в группе женщин

Полученные результаты показывают, что хотя справедливость представляет собой важнейшую социальную ценность, в масштабе жизни отдельной личности она оказывается скорее фактором риска нарушения психологического благополучия человека.

Значит ли это, что стремление человека к справедливости — вредно и разрушительно?

Прежде чем перейти к выводам, мы должны сделать еще одно отступление, чтобы уточнить нашу мысль в перспективе возможной коррекции обсуждаемой особенности личности. Позитивистски мыслящий критик может возразить, что мир действительно несовершенен и несправедлив и надо бороться за правду, пока есть надежда, что каждый получит по заслугам или, по крайней мере, по способностям.

Но мы сейчас — не о мире, мы об отдельно взятом субъекте как части этого мира. Еще А. Швейцер отмечал, что общество намерено обманывать нас относительно вопросов морали [13]. Поэтому борьба за справедливость как социально выгодный феномен самоорганизации может привести субъекта к очень плачевным последствиям: человек сильного темперамента сосредоточится на протестном поведении, пренебрегая продуктивным смыслом своей жизни и призванием, а человек слабого темперамента имеет шанс стать пассивным манипулятором. И то и другое уводит от самого интересного, от интриги и пафоса собственной персональной жизни. Вопросы гармонизации мира никогда не решались прямым противостоянием, а могли быть решены только косвенным воздействием. Именно поэтому, на наш взгляд, делают мир совершеннее более эффективно люди, которые не считают себя обиженными, угне-

тенными или обойденными и следуют иным, отличным от модели справедливостного мира, идеалам, например, идеалам творчества, служения или любви. Отметим, что ни один из этих идеалов с категорией справедливости не сочетается.

На практике все вышесказанное означает, что, с одной стороны, локальное обострение чувствительности, так же как участие в отдельном акте ее восстановления, для личности могут быть благотворными, а с другой — что эффективно восстанавливать справедливость, видимо, могут люди, у которых Ч_{жертв} (со всеми сцепленными характеристиками) не имеет выраженного характера.

Заключение

Итак, проведенное на достаточно репрезентативной выборке с помощью большой батареи методик исследование продемонстрировало, что позиция жертвы — черта личности, обладающая высокой гендерной вариативностью и мощным разрушительным влиянием на личность человека независимо от его пола. Она сопровождается негативными переживаниями и наносит удар многим параметрам жизнестойкости человека. Более насыщенной система связей оказалась в женской подвыборке: если для мужчин позиция жертвы бесполезна, то для женщин — резко деструктивна.

Как бы то ни было, очевидно, что необходимо укреплять арсенал психоразвивающих практик, направленных, с одной стороны, на профилактику развития позиции жертвы или разотождествление с ней, а с другой — на способность противостоять социальным практикам и манипуляциям, основанным на попытках имплантировать эту роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрющенко А.В., Дробижев М.Д., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий общемедицинской практики // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 2003. № 5.
2. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1992.
3. Гулевич О.А. Справедливость экзамена: оценка действий преподавателей и мотивация обучения // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
4. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001.
5. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. № 4 (в печати).
6. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Позиция жертвы: феноменология и следствия // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III международной научно-практической конференции. Т. 1. Кострома, 2013.
7. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1.
8. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Чувствительность к справедливости как свойство субъекта: личностный ресурс или бремя // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Т. 3. М., 2013.
9. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.
10. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М., 2002.
11. Фоминых Е.С. Виктимизация и девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях // Клиническая и специальная психология. 2012. № 4. <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml>
12. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Челябинск, 2010.
13. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
14. Campbell-Sills L., Stein M. Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10-item measure of resilience // Journ. of Traumatic Stress. 2007. № 6.
15. Gerlach T.M., Allemand M., Agroskin D., Denissen J.J. Justice Sensitivity and Forgiveness in Close Interpersonal Relationships: The Mediating Role of Mistrustful, Legitimizing, and Pro-Relationship Cognitions // Journ. of Personality. 2012. Jan 6. doi: 10.1111/j.1467-6494.2011.00762.x.
16. Gollwitzer M., Rothmund T. What Exactly Are Victim-Sensitive Persons Sensitive To? // Journ. of Research in Personality. 2011. № 5.
17. Gollwitzer M., Rothmund T., Alt B., Jekel M. Victim Sensitivity and the Accuracy of Social Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. № 8.

18. *Herbert T.B., Dunkel-Schetter C.* Negative social reactions to victims: An overview of responses and their determinants // *Life crises and experiences of loss in adulthood / L. Montada, S.-H. Filipp, M.J. Lerner (Eds.). NY., 1992.*
19. *Kohlberg L.* Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) *Goslin D.A. Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969.*
20. *Lotz S.* The stability and fragility of fairness: How individual concerns for justice affect human perception, emotion, and behavior: PHD dissertation. Koln, 2010.
21. *Nartova-Bochaver S., Astanina N.* Individual Differences in Russian Adults' Justice Sensitivity // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-5.
22. *Paulhus D.* Assessing self-deception and impression management in self-reports: The Balanced Inventory of Desirable Responding, Version 6. Unpublished manual. University of British Columbia. Vancouver, 1991.
23. *Rosenberg M.* *Conceiving the self*: Basic Books. NY, 1979.
24. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // *Social Justice Research. 2010. T. 23.*
25. *Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment. 2005. T. 21.*
26. *Sodergren S.C., Hyland M.E.* Qualitative phase in the development of the Silver Lining Questionnaire // *Quality of Life Research. 1997. № 7–8.*
27. *Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J. and Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // *Health and Quality of Life Outcomes. 2007. № 9.*
28. *Thompson E.R.* Development and validation of an internationally reliable short-form of the positive and negative affect schedule (PANAS). *Journ. of Cross-Cultural Psychology. 2007. № 2.*
29. *Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Bahousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journ. of Counseling Psychology, 2008. № 3.*
30. *Wu M. S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Zhou C., Ha B.* Does It Bother Me to Profit from Others? Cross-Cultural Surveys on Beneficiary Oversensitivity and Individualism // *Social Justice Research (SORE). 2014.*

'Degradedness and Insultedness' as Personality Trait: A Phenomenological Analysis of Victim Position

S.K. NARTOVA-BOCHAYER

*Doctor in Psychology, professor at the Moscow State University of Psychology
and Education*

N.B. ASTANINA

*PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology,
Voronezh branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute*

The aim of our study was to explore phenomenology and identify correlates of justice sensitivity from a victim's perspective (JSvictim) among young men and women. The hypothesis was that the victim position as a personality trait is accompanied by adverse emotional states and certain worldviews which make the subject less resilient. The findings of our study show that the victim position as a personality trait becomes a risk factor for resilience, especially in women.

Keywords: justice sensitivity, victim sensitivity, victimization, gender psychology, psychological well-being, resilience.

REFERENCES

1. *Andryushenko A.V., Drobizhev M.D., Dobrovol'skii A.V.* Sravnitel'naya ocenka shkal CES-D, BDI i HADS v diagnostike depressii obshemedicinskoj praktiki // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. Korsakova. 2003. № 5.
2. *Gilligan K.* Inym golosom: psihologicheskaya teoriya i razvitie zhenshin // Eticheskaya mysl': Nauchno-publicisticheskie chteniya. M., 1992.
3. *Gulevich O.A.* Spravedlivost' ekzamina: ocenka deistvii prepodavatelei i motivaciya obucheniya // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2013. № 3.
4. *Mak-Vil'yams N.* Psihoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom processe. M., 2001.
5. *Nartova-Bochaver S.K.* Novaya versiya oprosnika "suverenost' psihologicheskogo prostranstva – 2010" // Psihologicheskii zhurnal. 2014. № 4 (v pechati).
6. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Poziciya zhertvy: fenomenologiya i sledstviya // Psihologiya stressa i sovladayushhego povedeniya: materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii. T. 1. Kostroma, 2013.
7. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya // Psihologicheskii zhurnal. 2014. № 1.
8. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Chuvstvitel'nost' k spravedlivosti kak svoistvo sub'ekta: lichnostnyi resurs ili bremya // Chelovek, sub'ekt, lichnost' v sovremennoi psihologii. Materialy mezhdunarodnoi konferencii, posvyashennoi 80-letiyu A.V. Brushlinskogo. T. 3. M., 2013.

9. *Olport G.* Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. M., 2002.
10. *Prihozhan A.M.* Diagnostika lichnostnogo razvitiya detei podrostkovogo vozrasta. M., 2002.
11. *Fominyh E.S.* Viktimizaciya i deviktimizaciya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v sovremennyh obrazovatel'nyh usloviyah // Klinicheskaya i special'naya psihologiya. 2012. № 4. <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml>
12. *Ciring D.A.* Psihologiya lichnostnoi bespomoshnosti: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. Chelyabinsk, 2010.
13. *Shveicer A.* Kul'tura i etika. M., 1973.
14. *Campbell-Sills L., Stein M.* Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10-item measure of resilience // Journ. of Traumatic Stress. 2007. № 6.
15. *Gerlach T.M., Allemand M., Agroskin D., Denissen J.J.* Justice Sensitivity and Forgiveness in Close Interpersonal Relationships: The Mediating Role of Mistrustful, Legitimizing, and Pro-Relationship Cognitions // Journ. of Personality. 2012. Jan 6. doi: 10.1111/j.1467-6494.2011.00762.x.
16. *Gollwitzer M., Rothmund T.* What Exactly Are Victim-Sensitive Persons Sensitive To? // Journ. of Research in Personality. 2011. № 5.
17. *Gollwitzer M., Rothmund T., Alt B., Jekel M.* Victim Sensitivity and the Accuracy of Social Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. № 8.
18. *Herbert T.B., Dunkel-Schetter C.* Negative social reactions to victims: An overview of responses and their determinants // Life crises and experiences of loss in adulthood / L. Montada, S.-H. Filipp, M.J. Lerner (Eds.). NY., 1992.
19. *Kohlberg L.* Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) Goslin D.A. Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969.
20. *Lotz S.* The stability and fragility of fairness: How individual concerns for justice affect human perception, emotion, and behavior: PHD dissertation. Koln, 2010.
21. *Nartova-Bochaver S., Astanina N.* Individual Differences in Russian Adults' Justice Sensitivity // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-5.
22. *Paulhus D.* Assessing self-deception and impression management in self-reports: The Balanced Inventory of Desirable Responding, Version 6. Unpublished manual. University of British Columbia. Vancouver, 1991.
23. *Rosenberg M.* Conceiving the self: Basic Books. NY. 1979.
24. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. 2010. T. 23.
25. *Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. 2005. T. 21.
26. *Sodergren S.C., Hyland M.E.* Qualitative phase in the development of the Silver Lining Questionnaire // Quality of Life Research. 1997. № 7–8.

27. *Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J. and Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // *Health and Quality of Life Outcomes.* 2007. № 9.
28. *Thompson E.R.* Development and validation of an internationally reliable short-form of the positive and negative affect schedule (PANAS). *Journ. of Cross-Cultural Psychology.* 2007. № 2.
29. *Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Bahousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journ. of Counseling Psychology.* 2008. № 3.
30. *Wu M. S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Zhou C., Ha B.* Does It Bother Me to Profit from Others? Cross-Cultural Surveys on Beneficiary Oversensitivity and Individualism // *Social Justice Research (SORE).* 2014.